

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются теоретико-методологические основы становления политической категории «гражданское общество». Сопоставление различных точек зрения позволяет автору дифференцировать гражданское общество и от экономического, и от политического. Фактически гражданское общество представляется в качестве одного из аспектов тех образов поведения индивидов, которое позволяет нам видеть этот мир как сознательное создание ассоциаций и жизнь в этих ассоциациях.

Категория «гражданское общество» принадлежит наряду с такими понятиями, как свобода, справедливость, равенство, демократия, к разряду таких понятий политической науки, которые имеют как теоретическое, так и практическое значение. Как правило, такого рода понятия многозначны, трудно определимы, а их реальное применение связано с различными подходами в толковании. Исследователи научной категории гражданского общества отмечают, что, несмотря на широкое распространение понятия «гражданское общество», до сих пор по существу окончательно не выделен предмет его исследования, нет однозначного научного определения этого явления и его содержания, следовательно, нет и общепризнанной концепции гражданского общества.

Понятие гражданского общества (англ. *civil society*) имеет долгую и сложную историю. Оно вошло в употребление в 17-18 вв., и главный его смысл заключался в том, что сообщество граждан должно было иметь свои законы и не зависеть от грубого произвола со стороны государства. Исторически это понятие восходит к семье латинских слов *civis*, *civilis*, *civitas* (гражданин, гражданский, город, государство), с чем связаны такие аспекты гражданского общества, как гражданство, гражданские обязанности и добродетели, цивилизованное поведение.

Основная проблема при попытках дать определение гражданского общества возникает из-за того, что гражданское общество имеет два разных аспекта, социальный и политический. Со времен Аристотеля и вплоть до Локка эти две сферы рассматривались в нераздельном единстве.

Обращение к эволюции понятия «гражданское общество» позволяет создать некоторые типологические модели этого феномена. К числу таковых в зарубежной политической мысли можно отнести «классическую модель», согласно которой до конца 18 века термин гражданское общество был синонимом «государства» или «народа (политического общества)». В самом общем виде эта трактовка отражала аристотелевскую концепцию общности города – государ-

ства и цитероновскую идею *societas civilis*. В обеих теориях гражданское общество или политическое общество представляло собой высший этап морального развития общества, государство же являлось продуктом природного общественного инстинкта людей.

Традиция рассмотрения государства как совокупности людей, объединяемых политическим общением, обязана своим появлением Аристотелю, по мнению которого, государство есть круг, союз составляющих его граждан. Согласно Аристотелю, все развитие общества имело своей целью создание государства. Этапами этого развития были: возникновение семьи (домашнего хозяйства), сельской общины, а в итоге – государства, являющегося примером совершенного сообщества. Таким образом, создавалась естественная структура общественной организации. Рассматривая сосуществующие в рамках государства различные общественные группы, институты публичной власти, описывая дифференциацию политических ролей (властвующие и подвластные), нормы и процедуры политической жизни, Аристотель выделял в сущности государства такой определяющий признак, как целостность, которая объединяет всех проживающих в нем граждан.

Опираясь на различные наблюдения, Аристотель пытался выяснять сущность государства с помощью прав, которые управляют человеком. При этом в качестве основного права он признавал стремление человека к счастью, которое человек может достичь только в государстве. Поэтому, стремясь удовлетворить свои самые естественные устремления к счастью, человек всегда устремлен к государству. Кто живет вне государства, – утверждал Аристотель, – является либо негодяем, либо сверхчеловеком. Человек вне государства есть абстракция, столь же невозможная, как невозможна живая рука, отделенная от тела, которому она принадлежит [1].

Важной составляющей аристотелевской общности города-государства был подход к его целям в этических категориях. «Каждое сообщество, – считал Аристотель, – возникает для достижения какого-либо блага, отсюда необхо-

димо признать, что государственное сообщество имеет своей целью не сосуществование, а прекрасные поступки» [2].

Аристотелевский идеал гражданского общества, материализующийся в традиции греческого полиса или римской республики, отражал такую форму общественного порядка, в рамках которой граждане строят отношения между собой на основании существующей системы права или активного участия в общественной жизни. С этой точкой зрения было прочно связано убеждение о необходимости стирания границ между частной и общественной сферами, а также признание управления как вида активности, требующей высоких моральных (гражданских добродетелей), интеллектуальных и общественных (социальное происхождение) качеств.

Проблема определения особенностей взаимоотношений между властью и гражданами приобрела особое значение в эпоху Средневековья, когда вместе с формированием государственных структур появились первые симптомы, свидетельствующие о расширении понятия «политическое общество». Поскольку характерной чертой раннего Средневековья была идентификация властных элит с политическим обществом, этот термин начал обозначать привилегированное положение, а именно – рыцарство, духовенство, дворянство и, в определенной степени, мещанство. Приобретение этими категориями правосубъектности в виде права представительства, доступа к местной власти и прав собственности существенно повлияло на изменение системы власти и на нормативные основы ее существования. Эмансипация социальных акторов создавала новое гражданское пространство, расположенное между официальной гражданской жизнью и жизнью частной (коммунальной). С течением времени это пространство формализовалось в виде нарождающихся политических партий, объединений, организаций и общественных движений.

Сформулированные Аристотелем положения, касающиеся организации государства и общества, долгое время являлись исходным пунктом для различного рода государственно-правовых доктрин. Под влиянием идей Аристотеля в позднем Средневековье развились как политические доктрины, отводящие государству исключительное место и права среди прочих естественных сообществ, объясняющих его сущность через призму естественных прав (Фома Аквинский), так и ставшие предвестником нового (либерального) подхода к проблеме гражданского общества, это концепции Томаса Гоббса, Жан-Жака Руссо, Иммануила Канта.

Новаторскими следует признать философские взгляды Т. Гоббса, для которого естественное состояние опережало гражданское общество не в историческом, а в логическом смысле. Человек в теории Гоббса, в отличие от аристотелевского подхода, не является по своей природе существом общественным. Он считал, что источником таких прочных общностей, как государство, являются взаимные человеческие опасения. Гоббсовское описание положения дел как войны всех против всех позволяло одновременно отказаться как от влияния классического республиканизма, так и христианской религии. Томас Гоббс отрицал, говоря, что природа человека не добро и что жизнь «согласно природе» является аккумуляцией всякого зла. Из этого абсолютного зла, не являющегося злом моральным, рождается совершенно новое определение «политического блага». Гоббс определял государство как «искусственное тело», продукт человеческой деятельности, а не божественного установления.

Государство, по Гоббсу, возникло на основе общественного договора из «естественного состояния», когда люди жили разобщенно и находились в состоянии «войны всех против всех». Тогда каждый индивид, рассматривая все окружающие его вещи как средство для удовлетворения его потребления, стремится использовать их только для себя, но хочет избежать насилия над собой. «Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя уз (которыми они связаны, как мы видим, живя в государстве) является забота о самосохранении...» [3]. Взаимный страх перед насилием других порождает, по Гоббсу, расчетливость разума, побуждает людей к ограничению своей собственной свободы. Так создается государство, когда страх перед смертью ведет к преобразованию природного тела в политическое. В результате общественного договора права отдельных граждан, добровольно ограничивших свою свободу, были перенесены на государя (или государственные органы), на которого была возложена функция охраны мира и обеспечения благополучия граждан. Формирующаяся из множества индивидов общность все еще продолжала идентифицироваться с сувереном-государством, но ее силу и прочность определял уже не столько социальный институт человека, сколько согласованность частных интересов, достигнутая благодаря подчинению граждан суверенной власти и праву.

Жан-Жак Руссо усматривал в общественном договоре источник отождествления гражданского общества с государством. Иммануил Кант же использовал термин «гражданское общество» в смысле конституционного государства, отражающего ход политической эволюции.

Переломным моментом в рассмотрении сущности гражданского общества явилось становление капиталистического общества и доктрины экономического и политического либерализма, утверждающей значимость свободного рынка и частной собственности, а также примат личной свободы над политическими институтами. Предтечей в этой области оказались работы английских и американских мыслителей, прежде всего Джона Локка, Томаса Пейна, Адама Фергюссона и Адама Смита. Их подход объединяется представлением о том, что между гражданским обществом и условиями жизни людей существует явный контраст в период, предваряющий рождение цивилизации, т. е. перед появлением права. В этом плане гражданское общество знаменовало собой развитие цивилизации в той его фазе, когда она приобретает «цивилизованные» черты. Самые важные теоретические последствия для утверждения либерального идеала гражданского общества имело их представление о необходимости отделения сферы «государства» от «общества».

Этот подход привел к радикальному изменению в понимании структуры, функций и взаимных отношений этих субъектов. Дополнением данного тезиса стал постулат о подчинении структуры и принципов функционирования организации общества специфически понимаемого счастья личности. Концепция широкой автономии личности в пределах общности представляла собой доктринальное обоснование либеральной модели общественных связей, отличительной чертой которых, по аналогии с межличностными отношениями, была их добровольность или договорной характер (общественный договор).

Договорный тип общественных связей исходил из одной из главных посылок либерализма, так называемой парадигмы эгоистической личности, которая, заботясь о своих собственных интересах, не желая того, реализует всеобщее благо. Свокорыстный интерес Адам Смит рассматривал как мощный экономический стимул, который способен сам по себе привести общество к благосостоянию, если не ограничивать поле его деятельности. Для Смита государство не являлось уже основной формой со-

циального существования, а было институтом, охраняющим собственность и рынок перед внешним врагом и внешней дестабилизацией. Оно могло также предпринимать хозяйственные инициативы, масштабы которых превышали индивидуальные возможности самих предпринимателей.

Метафора Смита, выражающая либеральный взгляд на натурализацию экономики, ее независимость от политики, стала предметом философских размышлений, в результате которых категории индивидуальной свободы, конкуренции, личной пользы, предприимчивости, гармонии интересов и другие понятия, содержащиеся в образе «невидимой руки», были упорядочены в четкие философские системы.

Хотя для Дж. Локка гражданское общество все еще было тождественно обществу политическому, естественный характер основных элементов хозяйственной жизни (собственность, труд, деньги) уже вел, по его мнению, к тому, что эти явления имели первичный по отношению к призванному охранять их гражданскому (политическому) обществу характер. Оно, в свою очередь, вследствие признания общественного договора как основы организации общества или оппозиции между экономикой и политикой было первичным по отношению к правительству (государству). Локк полагал, что общество в этом смысле отличается от природного состояния; оно существенным образом отличается от общности супругов, семьи. Кроме того, гражданское общество несовместимо с абсолютной монархией. Вместе с тем оно является политическим образованием («телом»); для Локка общественный договор и договор граждан с государством – одно и то же.

Порождаемый рынком общественный порядок не был для либералов пространством анархии и бесправия. Напротив, апеллируя к эгоизму личности, рынок способствовал реализации общего блага. Условием сохранения внутренней гармонии и целостности общества должно было стать: обеспечение свободы действий личности, ненарушаемость прав собственности и свободы выбора. Развивавшиеся независимо от государства различные формы кооперации личностей, институты и общественные организации, а также весь нормативный строй (нормы моральные, культурные ценности, право, обычаи и т. п.) интерпретировались как следствие действия сложных механизмов адаптации, компромиссов и конкуренции, с помощью которых общество достигает способности удовлетворить индивидуальные желания в саморазвитии.

Иммануил Кант, один из ведущих теоретиков гражданского общества, расширил это понятие, говоря об обществе граждан мира, космополитов. Впрочем, Гегель с помощью своей диалектики вскоре разъяснил, что Кантово гражданское общество – всего лишь «момент» в историческом развитии, шаг вперед, преодоление природного состояния (тезис, или утверждение), однако и он обречен (антитезис, или отрицание). После этого обязательно наступит отрицание отрицания, или синтез (Гегель полагал, что синтез уже осуществился – в форме прусского государства). В любом случае государство, по Гегелю, «действительность морального идеала», является высшей целью человеческой организации.

Кант и Гегель, изучая это явление, пользовались немецким выражением *bürgerliche Gesellschaft*. Двусмысленность слова *bürgerlich* («буржуазный», «гражданский») внесла некоторую путаницу в осмысление проблем гражданского общества в Центральной Европе. Эта двойственность позволила Марксу, не утруждая себя различием «гражданского» и «буржуазного», высмеивать и то и другое одновременно. В любом случае это дискредитировало понятие гражданского общества, связывая его с интересами одного класса – буржуазии. Выходило так, что государство представляло все сообщество в целом, а буржуазное гражданское общество – лишь одну его часть.

Получается, что «гражданское общество» (*civil society*) – специфически англосаксонское понятие. Оно легко переводится на романские языки, в других же языках правильное его осмысление сопряжено с трудностями.

В самом общем плане гражданское общество представляло в политической философии Гегеля определенную целостность, трактуемую им как вторичную в отношении личностей, являющихся первичными элементами этой целостности. В отличие от основанных на случайностях и арбитражной воле отношений между личностями отношения между личностями и гражданским обществом имели совершенно иной характер. Для него гражданское общество – это сфера материальных условий жизни, продукт естественной необходимости, в котором индивиды связаны своекорыстными материальными интересами. По Гегелю, в развертывании нравственной идеи семья, гражданское общество предшествуют государству. «В действительности, – писал он, – поэтому государство есть вообще скорее первое, лишь в пределах которого семья развивается в гражданское обще-

ство и сама идея государства раскалывает себя на эти два момента».

Гегель разделял представление о гражданском обществе как о поле битвы индивидуальных, частных интересов. Индивиды, считал он, не могут существовать вне взаимной связи, вне гражданского общества. Но эта связь конкретных личностей, служащих для себя целью, является всеобщей лишь формально: и в этом Гегель видел один из принципов гражданского общества. Отсюда и общество – это место, где «человек человеку – волк», где происходит «борьба всех против всех» [4].

Он ясно осознавал наличие социальных противоречий, разъединяющих гражданское общество, которое «представляет нам в этих противоположностях и их переплетении картину столь же необычной роскоши, излишества, сколь и картину нищеты и общего физического и нравственного вырождения» [4].

Гражданское общество представлялось философу сферой, где правит всеобщий эгоизм, а мерилom всего выступает личный интерес. Гегель исходил из понимания двойственной природы человека, вобравшего в себя и партикуляристское, и универсалистское начала. Системность в восприятии гражданского общества побуждала мыслителя внимательно отнестись к фактору внешней необходимости, связывавшему различные интересы и их носителей (массовидные группы) в общность надформационного порядка – нацию-государство. В идеал-государстве, согласно Гегелю, происходит своего рода синтез, слияние этих начал: его парадигма государственности рассматривает индивида в двух ипостасях – как единицу гражданского общества и как сознательного гражданина государства, в силу объективных обстоятельств вынужденного поддерживать равновесие между двумя взаимопротивоположными аспектами своего бытия. Основные черты гегелевской парадигмы – поддержание внутренней устойчивости общества путем регулирования стихийных процессов в экономической среде и социальные гарантии государства для малообеспеченных слоев населения, при том, что охранительные функции производны от социального реформаторства и защиты населения.

Такое реформаторство и действенная защита населения возможны лишь в высокоэффективной хозяйственной системе, где органически сочетается непрерывное соревнование государственного и частнокорпоративного сегментов экономики, а на лидирующие позиции выдвигаются всесторонне образованные и деятельные управленцы. Гегель считал, что каждая

личность имеет возможность удовлетворения своих потребностей благодаря тому, что действует определенным способом в границах гражданского общества, которое, как анонимная целостность, является для нее исходной для соотношения.

В отличие от А. Смита Гегель считал, что гражданин не руководствуется исключительно узким эгоистическим интересом, но и, посредством общих целей, интересом общественным. Вместе с семьей и государством гражданское общество составляло в философии Гегеля часть понятия «этичности», то есть сверхличностной цели, являющейся синтезом абстрактного права и морали. Другими словами, общество это означало реальную целостность, управляемую собственными правилами, исключаящими элемент арбитражности и случайности. Правда, Гегель трактовал гражданское общество как продукт капитализма, отмечая одновременно, что оно не является воплощением либеральных проектов, самосозидающей гармонии. Напротив, он принадлежал к числу мыслителей, отмечавших возникающие противоречия между партикуляризмом рыночных действий и всеобщностью принципов и норм, управляющих жизнью общества и государства. Разрешение этих противоречий рассматривалось в философской системе Гегеля двояко.

Во-первых, гражданское общество определяло рамки рыночной действительности в виде правового установления и обеспечения частной собственности, вследствие чего арбитражная воля личности не являлась уже основной чертой функционирования этого общества. Функцию регуляции рынка общество реализует посредством государственных институтов (таких как полиция, суды), которые охраняют гражданские интересы и одновременно обеспечивают интересы общества. Партикуляризация интересов значительно ограничивается и благодаря существованию корпорации, института гражданского общества, выполняющего посреднические функции между особенным (например, профессиональным интересом) и интересом (целью) всеобщим.

Во-вторых, Гегель воспринимал гражданское общество как «явление», которое высту-

пает между семьей и государством; оно является необходимым условием становления социальной целостности, состоящей из семьи, гражданского общества и государства.

Отсюда следует, что возникновение государства было определенной исторической необходимостью, поскольку современное общество не могло «существовать вне государства». Одновременно это «различие определяет то, что употребление знака равенства между гражданским обществом и государством неправомерно». «Если смешивать государство с гражданским обществом и полагать его назначение в обеспечении и защите собственности и личной свободы, то интерес единичных людей как таковых оказывается последней целью, для которой они соединены, а из этого следует также, что в зависимости от своего желания можно быть или не быть членом государства. Однако на самом деле отношение государства к индивиду совсем иное; поскольку оно есть объективный дух, сам индивид обладает объективностью, истиной и нравственностью лишь постольку, поскольку он член государства» [5].

Содержание функции государства, по Гегелю, было определено необходимостью разрешения противоречий, возникающих внутри гражданского общества. Государство является основной формой общественного существования или институтом, необходимым для сдерживания стихийности (разнообразия) рынка и самого общества. Фиксацией этой установки стало определение гражданского общества как «внешнего общества» [6]. Государство и общество не являются независимыми бытиями. Политическое и экономическое связано между собой. Первоначальное различие между гражданским обществом и государством имеет, согласно Гегелю, преходящий характер. Гражданское общество становится государством, сохраняя, однако, способность к самоорганизации. Излишнее вмешательство государства в поле деятельности гражданского общества может привести к усилению противоречий, порожденных самим обществом. Согласно Гегелю, только государство может охранять общество и его права, в том числе и от внешних врагов.

Список использованной литературы:

1. См.: Лебедева Т.П. Аристотель. // Политическая энциклопедия в 2-х томах. М., 1999. Т. 1. С. 71-72.
2. См.: Чанышев А.Н. Аристотель. М., 1987. С. 17.
3. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Ч. 2 // Антология мировой политической мысли в 5-ти томах. М., 1997. Т. 1. С. 319.
4. Гегель Г. Философия права. М. – Л., 1934. С. 262.
5. Там же. С. 314.
6. Гегель Г. Философия права. // Политическая энциклопедия. Т. 2. С. 642.